

В 1847 году в селе Сергиевском под Тулой император Николай I встречал тульский губернатор Николай Николаевич Муравьев (1809-1881). До этой встречи за плечами молодого губернатора уже была славная биография, исполненная ратных трудов, подвигов, ранений и боевых наград. Он успел поехать на русско-турецкой войне 1829 года, послужить в Польше и на Кавказе, получить чин генерал-майора и показать себя добросовестным и талантливым работником на гражданской службе, где за ним укрепилась репутация «либерала и демократа». Но император не обратил внимания на эти предосудительные для чиновника слухи. Он был обеспокоен сенаторской ревизией Восточной Сибири, которая показала: местный управленческий аппарат разложился до такой степени, что богатейшая окраина вместо дохода, стала приносить государству сплошные убытки. Для управления краем требовался человек честный, решительный, энергичный, знакомый с гражданским и военным управлением. Увидев в Николае Николаевиче именно такого человека, он, не откладывая дела в долгий ящик, объявил о его назначении на должность, генерал-губернатора Восточной Сибири, приравненную к посту министра. Общество было изумлено совсем не «губернаторским» возрастом человека назначенного руководить одной из самых обширных областей России.

Муравьеву на тот момент едва исполнилось 38 лет.

Владимир КУПРИЕНКО

Граф Амурский — деспот и либерал

Такую противоречивую характеристику Александр Герцен дал Николаю Муравьеву, без единого выстрела присоединившему к России Приморский край

Константин Маковский. Портрет генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского. 1863

Успел сделать многое

Все годы своего губернаторства Муравьёв боролся с обкрадыванием государства. По вверенному его заботам краю прокатилась череда судебных процессов, направленных на пресечение преступной финансовой деятельности местных золотопромышленников. Был поставлен заслон противозаконной переправке намытого золота в Китай.

Муравьёв вообще ратовал за создание единой государственной золотодобывающей компании. Он представил правительству проект Единой золотодобывающей промышленности Восточной Сибири, в которой контрольный пакет акций (51 %) принадлежал бы государству. Одновременно генерал-губернатор предложил наложить на владельцев частных приисков подоходную «золотую пошлину». Казне был бы гарантирован стабильный доход с промыслов. Его усилия на этом поприще встретили яростное сопротивление не только местных, но и привыкших к «сибирской мзде» столичных чиновников, разразившихся потоком доносов на сурового генерал-губернатора.

Тем не менее Муравьёву удалось избавиться от большинства местных чиновников, смотревших на Сибирь как край, который можно безнаказанно грабить. Действовал Николай Николаевич решительно, жёстко, а иногда и жестоко.

Конечно, действия губернатора с точки зрения законности вызывали немало вопросов — и современники, и историки неоднократно упрекали Муравьёва в превышении власти. Сам же он, окунувшись в клоаку беззастенчивого воровства и взяточничества, не видел иного выхода из положения, кроме как познакомить казнокрадов с политикой «крепкой руки». Предание военному суду, заключение в острог, запрещение вести торговлю, негласный полицейский надзор и даже отдача недобросовестных торговцев рядовыми солдатами в сибирские гарнизоны — подобные меры испытали на себе многие «короли» Восточной Сибири. Коррупцию и взяточничество в Восточной Сибири Муравьёву полностью искоренить не удалось, зато удалось заставить местную олигархическую верхушку вспомнить, что существует и государственная власть, и законы, с которыми придётся считаться.

По мере того как между сибирской олигархией и губернатором крепла стена глухой вражды, его авторитет среди простого люда, напротив, ста-

новился всё прочнее. О губернаторе шла слава, что он-де «всегда и во всём стоит за бедного и слабого против сильного». Относясь с глубоким уважением к вере и обычаям бурят и тунгусов, обитающих в Забайкалье, Муравьёв беспощадно искоренял то, что могло быть использовано против власти. Он ввёл обязательное изучение русского языка в школах и улусах, единую систему распределения земель и землепользования. Он всячески пытался ослабить влияние Китая и Тибета на местное духовенство, не затрагивая при этом вопросов самой религии. Мало кому известно, но именно Муравьёву принадлежит заслуга открытия для Европейской России тибетской медицины. Рассчитывая на бурят в составе казачьего войска, он заботился об их боевой подготовке: бурят начали обучать кавалерийскому строю, сложным боевым построениям и субординации.

По инициативе Муравьёва правительство внесло изменения в административно-территориальное устройство края. В начале 1850 года Николаю Николаевичу удалось добиться образования Якутской, Камчатской и Забайкальской областей, выведенных из состава Иркутской губернии, а в середине и конце 1850-х годов были образованы Амурская и Приморская области.

Одним же из важнейших событий в управлении Муравьёва стало открытие в 1851 году Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Иркутске. Обращаясь к новым членам общества, Муравьёв очертил предстоящую деятельность: «Три века тому назад наши предки завоевали Сибирь в вечное достояние России, но не многочисленностью дружин своих, но твёрдостью в своих начинаниях, постоянной ревностью к делу и стремлением заслужить похвалу царя и Отечества. Так предстоит ныне нашему отделу приобрести страну эту для России в учёном отношении не многочисленностью учёной нашей дружины, но постоянными трудами»

Главное дело жизни

Главным делом не только сибирского периода, но и всей жизни Н. Н. Муравьёва стало присоединение и освоение Амурского края. С 1854 года начались так называемые «амурские сплавы», которым предшествовала активная дипломатическая деятельность, основные ориентиры которой оставались неизменными на протяжении всего генерал-губернаторства.

Это был курс на установление границы России по Амуру и укрепление её позиций на берегах Тихого океана. По признанию самого Н. Н. Муравьёва, он видел себя продолжателем дела Ерофея Хабарова. На Дальнем Востоке губернатор проявил необычную для того времени самостоятельность, вопреки постоянному сопротивлению канцлера К. В. Нессельроде, опасавшегося столкновений с Китаем и Англией, в которой он видел главную соперницу России на Дальнем Востоке. Для внешнеполитического курса Муравьёва было характерно стремление к сближению США и России, он рассчитывал на участие американского капитала в освоении русского Дальнего Востока. При нём были сделаны первые и весьма удачные шаги в этом направлении: увеличилось число американских судов в устье Амура, стало больше американских торговцев в Николаевске.

Образование забайкальского казачьего войска было нужно Муравьёву не столько для ведения военных действий, сколько для того, чтобы реализовать трудные и опасные сплавы по Амуру, а, главное, для создания военных постов на новой границе. В то же время Муравьёв настойчиво, но почти тщетно добивался от петербургских властей утверждения проектов вольной колонизации, которая одна только могла дать действительно надёжные результаты. Правительство отклонило предложенное Муравьёвым разрешение селиться в Сибири беглым крепостным и изъяло из правил для переселения в Приморскую и Амурскую области пункт, гласивший, что «зашедшие в эти области крепостные люди становятся свободными со дня вступления в пределы одной из них».

В апреле 1849 года Муравьёв решил лично осмотреть огромные подведомственные ему территории. Он стал первым губернатором, посетившим Камчатку и Петропавловск. Преодолев верхов от Якутска до моря 1300 километров, он достиг порта Охотск, а оттуда на шхуне прошёл на Камчатку. В то время не каждый отважился бы на такое путешествие. Достаточно сказать, что сам Николай Николаевич был готов к самым страшным последствиям и подготовил пространную записку на случай своей внезапной гибели во время этого путешествия. Тем более поражает то, что его сопровождала в этом опасном предприятии жена Екатерина Николаевна, урождённая французская аристократка Катрин де Решимон.

В Петропавловске Муравьев познакомился с выдающимся деятелем Русской православной церкви, преосвященным Иннокентием, епископом Алеутским и Камчатским, впоследствии митрополитом Московским. Девять лет спустя Иннокентий сопровождал губернатора в очередном сплаве по Амуру, и в станице Усть-Зейской преосвященный заложил храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Станица по его предложению стала называться Благовещенской (ныне город Благовещенск).

На Камчатке Муравьев ознакомился с жизнью русского и коренного населения, осмотрел Охотский и Петропавловский порты, лично инспектировал береговую артиллерию в Авачинской бухте. Впоследствии она сыграла большую роль в обороне города, когда здесь во время Крымской кампании 1854 года высадились англо-французский десант.

Первая поездка к дальневосточным рубежам длилась почти полгода. Муравьев изучил Аянский порт и тракт, перенёс Охотский порт в Петропавловск, образовал отдельную Камчатскую область, возвёл Аянскую факторию в статус правительственного порта. И что крайне важно – создал сибирскую флотилию. Во время объезда вверенной его попечению территории у Муравьева рождаются новые обширные планы. Он собирается «делать поиски в Аянском хребте, что за Алданом и Леною, преимущественно металлургические». В Якутске генерал-губернатор собрал коллекцию минералов и отправил её в Петербург, дабы продемонстрировать, какие полезные ископаемые следует искать во вверенном ему крае.

В этом же 1849 году по инициативе Муравьева был учреждён Комитет по морской экспедиции для исследования устья Амура, который поручил капитану Геннадию Ивановичу Невельскому совершить экспедицию «без шума и с должной осторожностью», чтобы не встревожить китайцев. В ходе этой экспедиции было установлено островное положение Сахалина (до этого его считали полуостровом) и доступность устья Амура для морских судов с севера и юга. Однако в столице не поверили открытиям Невельского и признали его действия дерзкими и подлежащими наказанию.

Муравьев послал в Петербург рапорт о том, что исследования Невельского неопределимы для России, что нужно как можно быстрее занять устье Амура и основать там военный пост,

«иначе оно будет занято другими». После длительной и упорной борьбы в Петербурге Муравьев сумел доказать свою правоту. Невельскому, назначенному чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, было разрешено основать на юго-западном берегу Охотского моря зимовье, чтобы производить «расторжку» с местными жителями. Этим же решением Охотская флотилия передавалась в распоряжение Муравьева, а Российско-Американская компания обязывалась финансировать организацию поселения в заливе Счастья.

27 марта 1850 года Невельской прибыл в Иркутск, отсюда отправился в Аян, а затем на транспорте «Охотск» – в залив Счастья. Здесь было заложено первое русское зимовье Петровское, ставшее впоследствии основным опорным пунктом для дальнейших действий Муравьева в низовьях Амура. 1 августа на мысе Куегда Невельской поднял русский флаг и основал Николаевский пост (ныне город Николаевск-на-Амуре). Затем объявил местным жителям и стоявшим на рейде командам иностранных судов, что «прибрежье этого (Татарского) залива и весь Приамурский край с островом Сахалин составляют Российские владения...».

Кроме Петровского зимовья и Николаевска-на-Амуре, экспедиция Невельского основала Константиновский пост в Императорской гавани, Александровский пост в заливе Де-Кастри, Ильинский и Муравьевский посты на Сахалине и Мариинский пост на озере Кизи. Участники экспедиции составили первые достоверные карты Сахалина и Приамурья, открыли на Сахалине каменный уголь, изучили природные условия бассейна Амура и рек Сахалина, установили дружеские отношения с местными жителями и возможность судоходства в амурском лимане.

Муравьев видел: Амурская экспедиция проделала труднейшую предварительную работу, требующую продолжения. Ещё в начале 1852 года Муравьев просил разрешения отправить специальную команду по течению Амура для укомплектования морских сил в его устье и заливе Де-Кастри. Из Петербурга пришёл отказ. Вскоре из-за ухода в отставку муравьевского единомышленника, министра внутренних дел Л.А. Перовского генерал-губернатор лишился существенной поддержки в Петербурге.

Более всего трудностей доставляло Муравьеву министерство иностран-

ных дел, в частности, его азиатский департамент. Он не раз жаловался и возмущался тем, что вся переписка департамента с Пекином проходила через его руки, но в запечатанных конвертах, и её содержание становилось известно ему лишь через несколько месяцев. Муравьев добивался права самостоятельно обращаться в Пекин от имени царя.

Муравьев понимал: Дальний Восток без судоходного Амура обречён на прозябание; а Сибирь без широкого выхода к океану, то есть без Дальнего Востока, представляет собой, по выражению современников, «завязанный мешок». С присоединением Амурского края и выходом к океану дно этого «мешка» оказывалось распоротым. А это-то и тревожило всесильного канцлера Нессельроде, больше всего боявшегося не угодить боготворимой им Европе. Поэтому, докладывая императору о предложениях Муравьева, Нессельроде не уставал твердить: «Он поссорит нас с Европой». Это заставляло губернатора добиваться личных встреч с Николаем I. «Время не ждёт, Ваше Величество! Иностранные державы могут опередить нас: Россия должна восстановить своё присутствие на Дальнем Востоке».

На слове «восстановить» Муравьев делал особый упор. История проникновения русских в Приамурье к этому времени насчитывала уже двести лет. Ещё в 1649-1653 годах землепроходец Ерофей Хабаров со своими казаками совершил несколько походов в Приамурье и составил «чертёж реке Амур». Часть казаков из отряда Хабарова основала здесь небольшую крепость – Албазин. Заметив активность русских, маньчжуры тоже заинтересовались «ничейными» землями. Стычки продолжались тридцать лет. Горстка казаков, не получая достаточного подкрепления, не могла противостоять превосходящей силе маньчжуров. В конце концов, в 1689 году был подписан Нерчинский договор, итогом которого стал отход казаков с Амура. Албазин с его невысокими укреплениями был срыт. Таким образом, граница России с Китаем оказалась неопределённой, а земли неразграниченными.

Амур – для России

Во время аудиенции в 1853 году Муравьев докладывал императору Николаю, что по точному смыслу Нерчинского трактата России принадлежат несомненные права на реку Амур

и что без сплава по ней нет никакой возможности снабжать Петропавловск продовольствием, оружием и войсками. Глядя на невысокого, задиристого, с дьявольским блеском в глазах «просителя за Амур», Николай I сдался: «Ну, смотри, Муравьев, чтобы и не пахло пороховым дымом! Головой ответишь...» И повелел: «Написать об этом Пекинскому трибуналу; предложения же Муравьева о сплаве по реке Амуру запасов, оружия, продовольствия и войск рассмотреть в Особом комитете». Тотчас же после аудиенции у царя Муравьев отправил своего ближайшего помощника М.С. Корсакова в Иркутск – спешно готовить сплав.

Внезапное изменение дальневосточной политики русского правительства объясняется началом Крымской войны, когда тихоокеанские владения России оказались под угрозой. Побережье Америки и открытые китайские порты стали базой для действий противников России. В любой момент они могли напасть на Петропавловск, где необходимого количества войск не было... Снабжать крепость из Кронштадта, как это делалось раньше, стало невозможно: морское сообщение контролировалось англо-французским флотом. Оставался единственный путь защиты Камчатки и побережья: установление сообщения по ещё не разграниченному Амуру...

В январе 1854 года генерал-губернатор вернулся в свой край с бумагой, подтверждающей его полномочия на ведение переговоров с Пекином по вопросу о границе. 6 февраля о предстоящем сплаве были уведомлены китайские власти. Шаги России «были решительными и проводились с ведома, хотя и без санкций, Цинского правительства, которое в прошлом во время переговоров 1689 года без предупреждения двинуло свои речные суда с войсками и притом не в области, официально признанные неразграниченными между обоими государствами, а прямо против русских владений на Амуре».

Первый «амурский сплав» состоялся в 1854 году и более походил на армейский обоз, вёзший кроме прочего и пушки, и боеприпасы, и амуницию. Это было необходимо не только для охраны первых поселений, но и для строительства крепостей и застав по всему левому, русскому (чего ещё только предстояло добиться в результате переговоров), берегу Амура. Так возникли укрепления, ставшие потом городами-форпостами России на Дальнем Востоке: Хабаровск, Владивосток, Благовещенск...

14 мая после напутственного молебна флотилия во главе с губернатором тронулась в путь. Казалось, вся Россия тронулась с места и пошла на восток. 18 мая под звуки гимна «Боже, Царя храни» флотилия вошла в Амур. Экипаж, стоя без шапок, осенял себя крестным знаменем. Минута была торжественная, и могучее «ура» разнеслось над Амуром, когда Муравьев, зачерпнув стакан амурской воды, поздравил всех с началом плавания. Последний раз русские плавали здесь 160 с лишним лет назад. При прохождении древнего Албазина флотилия пристала к берегу. Все устремились к тому месту, где когда-то стоял форпост отечества, героическая крепость.

14 июня, ровно через месяц после отплытия, экспедиция была уже у Мариинского поста, где состоялась встреча Муравьева с Невельским, получившим приказ сосредоточить все силы Амурской экспедиции в устье Амура, доступ к которому не был известен ни английским, ни французским морякам. Здесь отряд разделился: часть отправилась в Петропавловск-Камчатский для укрепления порта и пополнения гарнизона, часть спустилась в Николаевский пост, часть осталась в Мариинском.

А в августе 1854 года эскадра французских и английских кораблей вошла в Авачинскую губу и начала обстрел Петропавловска. Неприятель, превосходивший русских в три раза, дважды высаживал на берег десант. Гарнизон Петропавловска во главе с камчатским военным губернатором и командиром порта В.С. Завойко успешно отразил все атаки противника.

На следующий год соединённые англо-французские эскадры вновь подошли к Петропавловску. Но Муравьев принял неожиданное решение: не спрашивая предварительного разрешения государя, он буквально под носом у англо-французской эскадры провёл русские корабли и все государственные учреждения в устье Амура. Войска и гражданские лица разместились в Мариинском посту и Николаевске. Успешное отражение англо-французов было бы невозможным, если бы русские своевременно не заняли устья Амура и не сплавляли бы по нему припасы и снаряды, чем заранее озаботился Муравьев. Значение первого сплава неопределимо: им утверждалось фактическое признание Амура русской рекой. Отныне Амур был открыт для плавания, река на всём протяжении оказалась судоходной.

Во время сплава на слиянии Уссури с Амуром Николай Николаевич увидел высокий, густо поросший вековым лесом правый берег. «Вот где будет город», – сказал он. И действительно, в 1858 году здесь был заложен город Хабаровск.

Правительство, видевшее в Амурском вопросе не великую государственную задачу, а очередную «муравьевскую затею», предложило генерал-губернатору Восточной Сибири экономить, а сэкономленные деньги обращать в «амурский капитал», которым и покрывать все расходы на экспедиции по Амуру и его заселению. Муравьев даже не смог завести для себя приличный речной пароход, не говоря уже о буксирах для транспортировки барж с хлебом и имуществом переселенцев. Только после заключения Айгунского договора ему начали отпускать средства для развития края, но они были совершенно недостаточны для тех широких задач, которые ставил Муравьев.

Ровно через год – 14 мая 1855 года – по Шилке двинулся второй сплав по Амуру. На плотках находились солдаты с грузом для старых постов, а также поселенцы, которые должны были основать на новой земле Приамурья первые русские села. Со сплавом следовала и экспедиция Сибирского отдела Русского географического общества.

Айгунский договор – венец карьеры

Китайцы уже были извещены о том, что по Амуру сплавляются не только переселенцы, но и грузы для них, военное снаряжение, боевые припасы. Муравьев встретился с представителями китайских властей в Мариинске. Ссылаясь на необходимость защищать русское Тихоокеанское побережье от возможных вторжений вражеских эскадр, он заявил китайцам, что все места, занятые русскими, и весь Приморский край должны остаться во владении России. Границей между Россией и Китаем должна быть река Амур, и плавание по ней должно быть свободным для обеих сторон. На левом берегу России необходимо держать поселения для охраны на случай возможного вторжения иностранцев в низовья Амура с моря. Только благодаря этим разграничениям, утверждал он, между Россией и Китаем не возникнет никаких недоразумений...

В бесплодных переговорах с китайцами прошёл весь 1855 год. И чтобы

выиграть время, Муравьев начал заселять приамурские земли до того, как начались переговоры с Пекином. Надо было поставить и Китай, и Европу перед фактом уже состоявшейся русской колонизации. Когда по берегам дымят избы и кричат русские младенцы, многие вопросы отпадают сами собой. К концу 1855 года в низовьях Амура было уже пять русских сёл.

Поначалу в Приамурье согласились переселиться сибиряки, привлечённые большими льготами. За ними потянулись новосёлы из центральных областей России и казаки. Эти люди безропотно, стоически приняли на себя все тяготы освоения новых земель, обрекая себя и свои семьи на жизнь, полную испытаний. Именно казакам Россия обязана незыблемостью своих вновь приобретённых дальневосточных рубежей.

С заключением в 1856 году мирного договора об окончании Крымской войны надо было вернуть в Забайкалье войска с устья реки. Поскольку стало обременительно содержать войска и на Камчатке, нужно было продолжить переселение крестьян на Амур, открыть по реке зимнее почтовое сообщение, наладить паровозное движение летом и переброску грузов в Николаевск. Такими были главные задачи «третьего сплава», после которого принадлежность Приамурья России закреплялась окончательно. В третьем сплаве по Амуру Муравьев участвовать не смог: находился за границей на лечении. Сплав возглавил Корсаков...

Современники не раз слышали от Муравьева, что его миссия – укрепить русское владычество на Амуре и что, если он не выполнит её сегодня, то завтра ему могут не позволить. И поэтому он спешил оформить сложившуюся ситуацию юридически. Правительство дало Николаю Николаевичу все полномочия для ведения переговоров с Китаем. Ему предстояло отстаивать «амурское дело» теперь уже в новом качестве – дипломата...

В мае 1858 года в небольшом китайском городке Айгун генерал-губернатор Муравьев одержал блестящую победу – подписал Айгунский договор. Переговоры, исключительно напряжённые и сложные, продолжались пять дней, и здесь Муравьев проявил себя тонким и дальновидным дипломатом. Китай признал полное право русских на земли по рекам Амур и Усури.

Отторгнутые китайцами в 1689 году громадные пространства, с богатейшими природными ресурсами и исключительно удобной береговой линией,

стали неотъемлемой собственностью России. И подобное беспрецедентное приобретение свершилось без всякого применения вооружённой силы, без единого выстрела. Именно это сделало дальневосточную эпопею Н.Н. Муравьева одной из самых замечательных страниц в российской истории.

В августе 1858 года, ввиду исключительных заслуг перед государством, Н.Н. Муравьев императорским указом был возведён в «графское Российской империи достоинство с наименованием графом Муравьевым-Амурским».

В 1860 году Александр II и китайский император заключили Пекинский договор, а через год произошёл размен пограничными картами. Увы, всё это происходило уже без участия Николая Николаевича. В 1861 году он подал прошение об отставке и был освобождён от обязанностей генерал-губернатора Восточной Сибири...

Николая Николаевича угнетало отсутствие полного доверия со стороны Александра II, которое он считал необходимым для губернатора такой обширной области, как Восточная Сибирь. В самом же начале нового царствования Муравьеву было нанесено оскорбление – его обошли очередным чином ради личного друга молодого царя, князя А.И. Барятинского. Кроме того, был отклонён ряд проектов Муравьева по обустройству Амурского края, отвергнуты предложения о планомерном переселении крестьян в Приамурье, о строительстве железной дороги и телеграфа, об учреждении торгово-промышленных компаний. Был похерен его план создания на Дальнем Востоке чешской и немецкой колоний с предоставлением им экономической свободы, самоуправления и собственного суда, проект беспошлинной торговли на всём Дальнем Востоке, вплоть до Иркутска. Все эти разумные предложения зачастую получали очень резкую оценку Александра II. Энергичный и деятельный Муравьев почувствовал своё полнейшее бессилие, и в конце 1861 года Иркутск прощался с генерал-губернатором.

Позже Николаю Николаевичу предложили наместничество в Польше. «Пусть мне скажут сначала, чего хочет правительство в Варшаве, – сказал Муравьев, – искреннего мира или полицейского спокойствия и порядка. Уступок полякам или смирения их. Тогда я пойду, а вилять – не в моём характере». Отказался он и от наместничества на Кавказе: «На всё кавказское будут смотреть его – Барятинского – глазами, а я – Муравьев – наместник буду пешкой».

Фактически Николай Николаевич, своим упорством, решительностью, смелостью планов, принципиальным нежеланием проявлять гибкость, если он был убеждён в своей правоте, и даже, в некотором роде, нахальством, пришёлся не ко двору молодого императора. Не случайно сам Александр II говорил о нём: «Его не переделаешь, а надобно уметь воспользоваться, отдавая ему справедливость за услуги им оказанные». И Муравьевым пользовались, но только до тех пор, пока он был нужен.

Последние двадцать лет жизни Николай Николаевич и Екатерина Николаевна прожили во Франции. Долгое время Муравьев-Амурский надеялся, что Россия всё-таки вспомнит и призовет его, но его не звали.

В 1877 году, когда началась русско-турецкая война, почти семидесятилетний боевой генерал Муравьев прибыл в Петербург и предложил свои услуги правительству, но уехал ни с чем...

На этом была поставлена последняя точка в его отношениях с официальным Петербургом...

* * *

Граф Муравьев-Амурский ушёл из жизни 18 ноября 1881 года и был похоронен супругой на Монмартрском кладбище в Париже. У великого русского человека, умершего на чужой земле, не оказалось своей могилы. В углу нераздельного камня в семейной могиле Ришемонов о нём говорила французская надпись: Nicolas Mouravieff, comte Amoursky».

В 1908 году по инициативе купечества и администраций городов Дальнего Востока останки графа Амурского из общего захоронения Ришемонов были перенесены в отдельную могилу.

В начале двадцатых годов прошлого века памятник Муравьеву-Амурскому, установленный вскоре после его кончины в Хабаровске, был снесён по распоряжению советских властей. А в 1980 году было решено восстановить его по модели, сохранившейся в Русском музее. В 1992 году бронзовая фигура генерал-губернатора Муравьева-Амурского стала на своё прежнее место. А годом раньше с Монмартрского кладбища в Париже прах Муравьева-Амурского был перенесён в Россию и под грохот корабельных батарей Тихоокеанского флота предан земле во Владивостоке.